

Ш е к с п и р при блеске молний

Т Е А Т Р

«Музыка для живых» — премьера Тбилисского государственного академического театра оперы и балета имени З. Палиашвили. Вокруг нее в артистической среде Грузии витает тот дух творческого возбуждения, который обычно сопутствует незаурядным театральным событиям. Интерес предопределяет сама афиша. Композитор Гия Канчели. Постановщики: дирижер Джансуг Кахидзе, художник Георгий Алекси-Месхишвили, режиссер Роберт Стура. Каждое из этих имен многое говорит публике, переполнившей зрительный зал.

В соседней ложе — Верико Анджапаридзе, чье семидесятилетнее пребывание на подмостках только что отметила общественность страны. Царица грузинской сцены, как мне кажется, настроена скептически, она без обиняков объясняет кому-то, что пришла воочию посмотреть, «что он мог сделать там в опере, этот мальчишка». Еще не прозвучало ни одной ноты, но актриса уже громко замечает: «Это что — опера?!» «А почему дети на сцене сейчас одинаково — это сейчас модно?» Трудновато смотреть спектакль рядом с человеком, вслух выражающим свои согласия и несогласия. Но попробуй заикнуться в Грузии, что, мол, не хочу сидеть возле Верико Анджапаридзе. Однако она застыла, да так и не шелохнулась до той поры, пока не раздался овации.

...Опера по происхождению своему столь уважаема, доблестна и почтенна, что будь она живым существом, наверное, немало удивилась бы: отчего это вокруг ее непрерываемой персоны спорят так неудержно и неутомно? Отринув однажды творение Моцарта или Мусоргского, через какую-нибудь сотню лет как раз их авторитетами и станут усмирять очередного смутьяна, позволившего себе нарушить вековой порядок в мире нотных знаков...

Новаторские сочинения, подобные «Музыке для живых», не рождаются в идиллической атмосфере. Легко можно представить человека, который рассудит так: это не то, к чему я привык, совсем непохоже на то, как пишет такой-то, и потому мне не нравится. Нормальная человеческая реакция. Лишь бы каждый из нас понимал: грешно воспринимать искусство как бюро обслуживания твоих личных вкусов. Когда-то к Джузеппе Верди пришел талантливый тенор и стал исполнять арии из его опер. Великий композитор слушал-слушал да и сказал: «Бог знает, что ты поешь. Но это лучше того, что я написал. Так и пой...»

Именно потому, что слышала едкие реплики старшей актрисы, решаюсь обратиться к ней с просьбой поделиться своими впечатлениями.

Верико Анджапаридзе, народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда:

— Испытала высокие состояния души. Не могу даже припомнить, когда в последний раз была так взволнована в зрительном зале. В мое время это считалось основной ценностью искусства. Нынче в режиссуре и, к сожалению, в актерской игре часто преобладает расчет, математика. Поэтому и зрители стали скорее рассуждать, чем сопереживать. Меня не касается, достаточно ли в данной опере арий и си-

бемолей. Пусть музыковеды подсчитывают, чего тут больше, а чего меньше нормы. А я, знаете, сегодня плакала. То ли о чем-то своем, то ли от прикосновения красоты. Этот хрупкий мальчишеский дискант, прозрачные, как горный ручей, мелодии... Да и весь спектакль. Есть в нем светлая, очищающая грусть, которую может даровать только талантливая музыка. У меня с Робертом Стурой были принципиальные разногласия по поводу одной его статьи, но тут он меня победил. Совершенно. Суть не в том, что режиссером все сделано мастерски, необычно, свежо. Спектаклю присущи волшебные ошибки, те полубороты, которые не поддаются объяснению, но которые и превращают искусство в искусство.

— А вы разрешите обнаружить ваше мнение в печати?

— Сочту за честь. И прибавьте тогда вот что. Спектакль «Музыка для живых» напомнил мне первые работы Котэ Марджанишвили в Тбилиси — та же всепокоряющая театральность, исконно свойственная грузинскому театру.

...Полубороты — какое неподходящее и какое подходящее слово; его может обронить только художник. Действительно: и по музыке, и по театральному мышлению новый спектакль — та поэзия, что возникает как бы не из продуманности, но из «нечаянности строки», где есть «слишком завидная легкость, но как ни кусай себе локти, а именно это — стихи».

«Быть или не быть?», «Не быть, не быть, не быть?», «Вопрос, вопрос, вопрос», «Быть, быть, быть!» Всю первую половину оперы эти знаменитые шекспировские строчки поют на языке автора то Старик (Зураб Анджапаридзе), то дети, хоры или солист. Песнопения прерываются вспышками молнии и грохотом неведомой катастрофы. А то вдруг вырастает из-под земли (то есть приподымается на плунжере сцены) военный оркестр, он играет марш. Появляется офицер (Роман Новак) в мундире с приметами всех веков и красавица в черном (Маквалла Махарадзе), они несут с собой зло и разрушение — разрушение жизни, разрушение искусства.

Пластическая среда спектакля взаимодействует с партитурой оперы сложно, как бы по законам симфонии: зримые образы то гармонируют музыке, то идут вразрез с ней, наперекор. И все это рождает напряженную драматургию, выводит театр на уровень философских размышлений.

Как вы формулировали для себя тему оперы? Этот вопрос — к композитору.

Гия Канчели, лауреат Государственной премии СССР:

— Я хотел, чтобы на сцене были дети. Если партитуру издадут, там будет написано: «Посвящается детям»...

...Во втором акте мы видим руины некоего театра, где помещается госпиталь и где артисты итальянской оперы представляют для раненых традиционную мелодраму — с объяснениями в любви, приступами ревности и убийствами. Музыка — без единой цитаты — сделана в стиле классического «бельканто». Но ведь мы находимся не в театре прошлого, а на спектакле Роберта Стуры, то есть на празднике зрелищности. Герой мелодрамы (Теймураз Гугушвили)

упал замертво и тут же засомневался: а достаточно ли эффектна его поза на смертном одре. Приподымается, приоткрывает глаз, решает, что недостаточно, и пододвигается к авансцене. Мелодрама завершается, и снова продолжается мистерия. Чередование музыкальных и пластических сопоставлений и контрастов, смелых метафор, которые магией театра и нашей собственной фантазии образуют Гармонию...

Какие художественные задачи и трудности таит столь необычная для оперы музыкальная драматургия? На этот вопрос отвечают:

Джансуг Кахидзе, дирижер, народный артист ГССР:

— Детская музыка, сочиненная Канчели, особенно финальный хорал, отмечена высокой простотой. А простоты, как известно, достичь сложнее всего. Она требует особой духовной насыщенности и большой исполнительской силы. Иначе все легко превратится в примитивность. Но все это второстепенно. Если спектакль волнует, потом разберутся что к чему.

Роберт Стура, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР:

— Дети в нашем спектакле — не только решение темы. (У нас, кстати, участвуют прекрасные коллективы: ансамбль мальчиков «Мартве» и капелла девочек). Присутствие детей на сцене не позволяло во время работы лукавить, поступать безнравственно, то есть брать использованные приемы. Тихая, мелодичная музыка так же строго контролировала поиски пластических образов, которыми мы занимались вместе с Юрием Зарецким и всеми остальными моими коллегами по этой работе. Была боязнь помешать музыке, каждый шаг мог оказаться лишним... Мы очень ловко научились делать спектакли. Надеюсь, что здесь мне во многом удалось избежать режиссерских самоповторов... Музыкальный театр обладает мощными средствами выразительности. И наряду с этим опера — достаточно консервативный жанр, а потому зритель вместо того, чтобы смотреть оперную «вампку», нередко предпочитает дома послушать первоклассные записи выдающихся исполнительниц. Есть сферы, где опера не сможет конкурировать с драмой. Но в биографии оперы случались взлеты, когда она активно выполняла общественные, гражданские функции. Наш спектакль — попытка сделать так, чтобы люди не просто послушали музыку, но и задумались о самом насущном. Мы хотели достичь крайней интонации: жители Земли, посмотрите перед лицом грозящей катастрофы на то прекрасное, что создано природой и человеком. Сберегите все это для будущего!

...Сказать про грузинский народ, что это народ музыкальный, равносильно сообщению, что грузины живут в Грузии. Врожденный художественный дар народа-музыканта проявляется во всех сферах. Так стоит ли удивляться тому, что на этой земле родился музыкальный спектакль такой взрывной эмоциональной силы, что рецензия на него уместилась бы в известном афоризме: опера — это Шекспир при блеске молнии.

Г. КОЖУХОВА.
(Спец. корр. «Правды»)
г. Тбилиси.